Венгерские народные сказки

Марци, честный вор

Было то или не было, жила однажды бедная женщина. И был у нее сын по имени Марци. Честный, прямодушный был этот Марци. А к тому же еще такой умный, ловкий, дельный да находчивый, что слух о нем по всей стране прошел: на все, мол, горазд Марци, за какое б дело ни взялся. Дошла его слава и до короля. А был тот король завидущий на редкость: досадно ему стало, что слава Марци затмевает его славу. И надумал король Марци перехитрить.

Призвал он его к себе и говорит:

– Слышу я отовсюду, что очень уж ты знаменитый. А коль ты такой всезнайка да всеумейка, докажи это делом. Ежели ты все умеешь, так, значит, и воровать умеешь? А?

– Ваше величество,– отвечает королю честный Марци,– воровать я не воровал никогда. И впредь не хочу.

Обрадовался король и тотчас ему приказ отдает:

– Ну, коли ты никогда не воровал, так теперь либо сумеешь и это, либо конец тебе! Слушай же: на моем поле сейчас двенадцать батраков пашут. Так вот, либо ты выкрадешь у них, прямо с пашни, все двенадцать плугов с двенадцатью парами волов, либо я уж знаю, как мне поступить: прикажу голову твою на кол насадить, понял? Зато, если испытание выдержишь, все мои сокровища тебе отдам, ведь и я их также украл.

Горько стало на душе у Марци, да что поделаешь! Пошел он домой, рассказал своей матушке про разговор с королем.

– Вот теперь хорошенько подумай, сыночек,– сказала ему мать.

Крепко задумался Марци. Но вдруг улыбнулся весело. Попросил он мать раздобыть ему двенадцать цыплят, черных, без пятнышка, и наседку одну, тоже черную.

– К чему они тебе, сынок? – спросила мать, но раздобыла все, что он попросил.

Взял Марци цыплят, пошел с ними в лес. Батраки королевские поблизости, у самой опушки пахали. Отпустил Марци потихоньку наседку с цыплятами да как закричит:

– Глядите, дикая курица, да с цыплятами! Ловите, они счастье приносят!

Батраки побросали плуги и наперегонки за цыплятами припустились. Цыплята со страху в лес побежали, батраки за ними. А Марци тем временем повернул волов и повел их за собой вместе с плугами.

Привел Марци волов с плугами прямо к себе домой, потому как уговор с королем был такой: что Марци выкрасть сумеет, то и забирает себе. Поэтому Марци только матушку свою послал к королю сказать, чтоб не ждал волов.

На другой день король опять призывает к себе Марци. Принял его сердито.

– Слышал я, удалось тебе моих волов угнать вместе с плугами.

– Удалось,– скромно ответил Марци.

– На этот раз тебе повезло. Но погоди. Теперь должен ты пшеницу из моего сарая выкрасть, а ведь тот сарай крепко сторожат и днем и ночью. Если до утра не выкрадешь, так и знай, быть твоей голове на колу. Ну а сумеешь – государство мое тебе отдам, я ведь и сам его воровством собрал.

– Попытаюсь, ваше величество.

Опять стал Марци думу думать, как бы ему выкрасть из сарая пшеницу, хоть и много у нее сторожей.

А король в тот день сторожей-то к себе позвал, щедро угостил и крепко-накрепко наказал в оба следить за проклятым Марци, чтобы не обвел их какнибудь. «Вы,– говорит им,– как его завидите, кидайтесь на него не мешкая все вместе и колотите куда ни попадя».

Подслушал Марци, что король сторожам приказал, и сразу кое-что придумал.

Сделал он из соломы человека, на голову ему свою шляпу надел и тихо-незаметно к сараю

приставил. Потом отошел в сторонку да как чихнет!
Сторожа выбегают, всяк другого опередить норовит. Видят, возле сарая человек стоит. И шляпу Марци узнали. «А ну, бери его за бока!» – кричат. И давай лупить пугало по голове да по шляпе! Так расколошматили, разнесли, что и пылинки от него не осталось.
Покончив дело, бросились бегом к королю – докладывают: теперь уж не украдет Марци пшеницы из сарая. Забили, дескать, разбойника до смерти.
Обрадовался король, не знал, куда сторожей посадить, чем напоить-накормить. А Марци тем временем преспокойно пшеницу всю и вывез.
Послал он мать к королю, доложить, что и это испытание выдержал.
Позеленел король, посинел от злости. Сломя голову в сарай кинулся, но Марци, само собой, и зернышка пшеничного на погляд не оставил. Опять позвал король Марци к себе. Сидит, ждет, злой-презлой.
– Выходит, украл ты пшеницу, а, Марци?
– Выходит, так, ваше величество.
– Ну что ж, коли так... Но уж теперь ждет тебя из задачек задача. Должен ты выкрасть коня моего любимого золотистой масти, хотя сто моих кучеров-конюхов днем и ночью глаз с него не спускают. Не сумеешь – быть твоей голове на колу! Ну а уж если сумеешь, отдам тебе мою корону, я-то и сам ее тоже украл.
Опять думает Марци, голову ломает. И все же придумал! Оделся он в лохмотья, оборванцем прикинулся да бутыль с хмельным прихватил. Вечером пошел к конюшне, постучал в ворота. Не хотели его впускать кучера, строго-настрого наказал им король быть начеку. Но когда увидели, что за воротами жалкий такой оборванец стоит, да еще бутыль с вином у него, все же впустили. Посадили его возле яслей, а Марци вино свое нахваливает, конюхов угощает, ну и поддались они. Стали пить, еще да еще, скоро захмелели, и дрема их одолела. «Чего нам, – думают,– бояться? Уж как-нибудь убережем королевского жеребца» Один-то из них коня за повод держал крепко, другой за хвост, а третий сидел на коне верхом. Да только Марци тому, кто спросонья хвост конский держал, связку пеньки сунул в руку. Того, кто верхом на коне заснул, приподнял осторожно и на ясли верхом посадил. У того же, кто повод в руке зажал, не стал повода отнимать, просто уздечку со скакуна снял и потихоньку из конюшни его вывел, к себе домой отвел.
Наутро король в конюшню пришел. Нет коня! Ох, как же он разозлился! Ногами затопал, на конюхов-кучеров закричал:
– Так-то вы коня моего любимого бережете! Увел Марци коня!
А те хмельные еще, понять ничего не могут. Один говорит:
– Так я ведь за хвост его держу!
Другой:
– А я верхом на нем сижу!
Третий:
– А я повод из рук не выпускаю!
Изругал их король почем зря. И решил впредь сам за своим добром последить, но уж Марци теперь – хоть самому живу не быть – извести непременно!
Стал он измышлять, как за дело приняться. Хоп, придумал!
Тотчас послал король за Марци и такое ему повеление дал: ежели завтра в полдень не выкрадет Марци обед, для самого короля приготовленный, быть его голове на колу!
– Но уж если сумеешь, отдам тебе мой меч королевский, ведь я и сам его так-то украл.
Назавтра в полдень сели король с королевой за стол, обеда ждут. Повариха уж и стол накрыла, кушанья на поднос поставила, в покои королевские нести приготовилась. Только хотела было

поднос в руки взять, видит, от окна кухонного рука тянется.
Опрометью бросилась повариха в комнаты королевские.
А Марци-то еще накануне вечером сделал тайком деревянную руку, покрасил ее и веревкой обвязал. Веревку же другим концом к колесу колодезному прикрепил. А под окошком кухонным дырку выдолбил и просунул руку в нее, как раз до стола. Ее-то повариха и увидела. Побежала она скорей к королю: пришел, мол, Марци, уже и руку к обеду королевскому протянул!
Король с королевой скорее на кухню стали ту руку к себе тянуть. Тянули, тянули, а веревка-то и лопнула, король с королевой на пол попадали. Пока поднялись, огляделись, Марци с обедом и след простыл.
Попировали в тот день Марци с матушкой, королевским обедом полакомились.
Король не знал, что и учинить со злости. «Уж теперь-то,– решил,– изведу его непременно». На другой день призвал он к себе Марци и приказал к завтрашнему утру с пальца королевы золотое колечко украсть.
– Если сумеешь, отдам тебе дочку в жены. Правда, ее-то я не крал, но решил за того выдать замуж, кто и меня перехитрить сумеет. Вот к чему устраивал я тебе все испытания.
Понял Марци: теперь надобно держать ухо востро! Вечером прокрался он в королевские покои. Вдруг слышит, король говорит королеве:
– Я сейчас встану, пройдусь немного, прогуляюсь перед сном. А как вернусь, ты, душенька, отдай мне на время колечко, у меня оно целей будет.
Вышел король во двор, все углы-закуты оглядел, нет ли поблизости Марци. А Марци тем временем дверь отворил, вошел в спальню королевскую и, изменив голос, говорит королеве:
– Быстренько отдай мне кольцо, душенька, потому как этот проклятущий Марци в любой миг может здесь оказаться.
Королева в темноте-то и отдала ему кольцо. А Марци затаился у двери и, как только король воротился, неслышно наружу выскользнул.
Король опять в постель лег и говорит королеве:
– Дай мне, душенька, кольцо!
– Да я же только что тебе его отдала,– отвечает ему королева сердито.– Сама на палец тебе надела!
Король чуть не лопнул от злости. Но ничего не сказал, не стал новых козней против Марци строить. Даже тогда ничего не сказал, когда не матушка Марци, а сам он явился в королевский дворец за дочкою королевской, за мечом, короной и всем государством.
Сели они тут за свадебный пир, все там было, чего пожелалось, каждому угощение досталось.